

того, и который рассказывал о крушении судна) был весьма изумлен и приказал, чтобы все, кроме Шарпантье, вышли. «Велите привести мне бульону, я в полном смятении», Шарпантье берет бульон у двери комнаты, которую тут же закрывает на ключ. Тогда Кардинал, воздев руки к небу, говорит: «О, боже, сколь милостив ты к нашему Королевству и ко мне. Прочтите это, — говорит он Шарпантье, — и изготовьте копии». Он тотчас же отправляет нарочного к г-ну де Шавиньи с приказанием прибыть к нему, где бы он ни находился. Шавиньи явился к нему в Тарасконе, ибо Кардинал почел необходимым переправиться через Рону. Шавиньи, получив копию договора, отправляется к Королю. Ришелье дает ему должные наставления. «Король скажет вам, что это подделка, но предложите ему арестовать Господина Главного; потом его легко будет освободить, ежели бумага подложна; по ежели враг вторгнется в Шампань, не так-то легко будет ему противодействовать». Король действительно страшно разгневался на г-на де Нуайе и г-на де Шавиньи, заявив, что Кардинал по злобе хочет погубить Господина Главного. Им стоило большого труда переубедить Короля; в конце концов он велел арестовать Господина Главного, а затем отправился в Тараскон, дабы выяснить все в беседе с Кардиналом.

Меж тем Фонтрай, заметив, что Король довольно долго остается в обществе г-на де Нуайе и г-на де Шавиньи, а Господина Главного туда не приглашают, сказал ему: «Сударь, пора вам спасаться». Господин Главный этого не пожелал. «Что до вас, — заметил Фонтрай, — вы, сударь, будете еще достаточно высокого роста и после того, как вам свесут голову с плеч, а я, право же, слишком мал для этого». Он бежал в одежде напуцина, как и в ту пору, когда ездил в Испанию по поводу договора.* Прежде чем вязываться в интриги, Фонтрай хорошо припрятал свое добро. Он происходит из знатной лангедокской семьи, обладает двадцатью двумя тысячами ливров дохода с земельных угодий и не имеет долгов. Однажды, когда покойный Король показывал ему лундоры, он сказал довольно забавную фразу: «Государь, я люблю старых друзей и старые монеты». Он только не хочет, чтобы смеялись над его горбом; во всех остальных случаях он понимает шутку. Он принадлежит к тем вольнодумцам, что жили в Маре.⁶² Лет двадцать пять назад эти господа стали носить сапоги с узкими длинными носами, но не столь длинными, как послали впоследствии. Несколько капитанов Гвардии станцевали балет «узконосых»; Фонтрай вообразил, будто это выпад против него и его друзей, и уговорил графа Фисеско и Рювиньи драться вместе с ним на дуэли. Граф и его противник ранили друг друга, Фонтрай был сбит с ног вторым, Рювиньи обезоружил третьего. Эти господа, жившие в Маре, опол-

* Ежели бы Господин Главный не был ленив, он бы спасся; во вместо того, чтобы отправиться самому, он ограничился тем, что послал одного из своих слуг проверить, заперты ли городские ворота; они были только притворены, а его человек не осмотрел их с должным вниманием.